

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СМЕНА МИРОВЫХ ПОРЯДКОВ И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ*

Е.Н. Мошелков
(Москва, Россия)

Проблема формирования нового мирового порядка на рубеже XX–XXI вв. становится все более важной темой современных дискуссий. В определенной степени в этом отражается склонность традиционного общественного сознания усматривать в смене веков (и тем более тысячелетий) катастрофические, и даже апокалипсические перспективы. С другой стороны, именно в отмеченный исторический период наблюдаются действительно кардинальные перемены в мировом сообществе. К числу таких перемен, безусловно, необходимо отнести распад Советского Союза и мировой социалистической системы, что не могло не привести к кардинальным социальным и геополитическим сдвигам в современном мире.

Формула «новый мировой порядок» применительно к данным переменам и следствиям, которые вытекают из них для перспектив мирового сообщества, широко употребляется в настоящее время в самых разных контекстах¹.

Одно из таких употреблений имеет историко-ретроспективный смысл. Как правило, историки выделяют в период с середины XVII в. по настоящее время несколько систем международных отношений, которые образовывались на договорной основе господствующими на данном историческом этапе державами. Эти системы представляют собой не только определенную конфигурацию политической картины мира, но и совокупность принципов и правил, на основании которых обеспечивалась на достаточно длительный период (до 100 лет и более) относительная политическая и военно-стратегическая стабильность в развитой зоне мирового сообщества. До конца XX века таких систем (или мировых порядков) чаще всего выделяют четыре.

1. *Вестфальская система* – установлена Вестфальским миром 1648 г., подведшим итог Тридцатилетней войне. В создании этой системы приняли участие главным образом Франция и Швеция.

2. *Венская система* – установлена Венским конгрессом 1815 г., который подвел черту под наполеоновскими войнами. «Авторами» этой системы стали Великобритания, Франция, Россия, Австрийская и Османская империи. В конце своего существования (почти через 100 лет после создания) внутри этой системы образовались два противостоящих друг другу военно-политических блока – Антанта и Тройственный союз, что и привело в конечном итоге к Первой мировой войне.

3. *Версальско-Вашингтонская система*, возникшая на основе Версальского мирного договора 1919 г. и решений Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Эту систему, которую создали государства-победители в Первой мировой войне – Великобритания, Франция, США, Япония – многие историки считают промежуточной, поскольку она не только не ликвидировала, а наоборот, обострила противоречия между ведущими мировыми державами, что менее чем через 20 лет и привело к новой – Второй мировой войне.

4. *Ялтинско-Потсдамская система* была сформирована державами-победителями во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания, Франция) на

* Статья подготовлена при поддержке научной программы «Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России».

двух международных конференциях в Ялте (февраль 1945 г.) и в Потсдаме (июль-август 1945 г.). Именно эта система и просуществовала до начала 90-х годов XX века, когда в результате распада одного из «полюсов» мирового сообщества – мировой социалистической системы во главе с СССР – она начала деформироваться.

Новые реалии международных отношений, которые стали возникать в рамках этого распада, и принято называть «новым мировым порядком». Не трудно заметить, что такое употребление данного понятия предполагает трактовку «нового», прежде всего, по отношению к «старому» Ялтинско-Потсдамскому мировому порядку.

Главным признаком изменения миропорядка на современном этапе зачастую считают превращение мира из биполярного (США, НАТО, с одной стороны, СССР, Варшавский договор – с другой) в монополярный, в котором господствует одна супердержава – США. На самом деле – это поверхностный взгляд на сложные процессы, которые происходят в современном мире. Именно на основе такого упрощенного представления строится американская доктрина возмездия после 11 сентября. Несмотря на успех военных акций США в Афганистане и в Ираке, стратегическая перспектива этой доктрины вызывает очень большие сомнения во всем мире.

Эти сомнения основываются на том, что полная реализация доктрины мирового господства (или мировой гегемонии) одной супердержавой невозможна, так как обладает ядерным оружием в современном мире не одно, а несколько крупных государств. Поэтому в условиях реальной конфронтации соотношение сил между ядерными державами будет определяться не экономическим потенциалом, а наличием ядерных боеголовок и средств их доставки на территорию противника. И если в 50-е гг. прошлого века (т.е. еще 40–50 лет назад) вполне серьезно обсуждался вопрос о приемлемости применения 200–300 ядерных боеголовок, то сейчас ясно, что даже для больших государств и целых регионов катастрофическим может оказаться применение и одной боеголовки.

В этом смысле мир на протяжении последних десятилетий, по сути, был многополярным. Таким, несмотря на ломку биполярной блоковой системы (НАТО-Варшавский договор), он остается и в настоящее время.

Кардинальным образом меняется другое: во-первых, появляются новые центры силы и тем самым изменяется конфигурация мировой системы взаимоотношений государств и регионов и, во-вторых, (и это самое важное) происходит изменение самого статуса центра силы в современной системе международных отношений (и даже изменяется само понятие «центр силы»).

Именно эти реальности современного мира и позволяют говорить о переходе к новому мировому порядку.

Если раньше под «центром силы» в мировой политике понимались государственные системы, с вполне определенными параметрами военно-политического и экономического потенциала, известными и ясными стратегическими и идеологическими концепциями, то сегодня на роль «центра силы» в мировой политике начинают претендовать силы, стратегические цели и главное – материальный потенциал которых не поддается точному определению.

Это не может не приводить к кардинальным изменениям принципов взаимоотношений между «центрами силы», к изменениям в базовых основах доктрины международной и национальной безопасности.

Чтобы лучше понять суть этих изменений, следует сначала остановиться на принципах старого миропорядка, которые, конечно, и сейчас все еще продолжают действовать.

Существующий (или еще продолжающий существовать) миропорядок основывается на двух фундаментальных принципах мировой политики:

- принцип паритета (или примерной количественно-качественной равновеликости) сил и средств, способных нанести удар по вероятному противнику. При этом вероятный противник для каждой из сторон достаточно хорошо известен; силы и средства вероятных противников взаимно подсчитаны и находятся под обоюдным контролем;

- второй принцип основан на естественном рефлексе самосохранения биологических и социальных систем принцип взаимоустрашения: первый нападающий получает неизбежный ответный удар. Сдерживание на основе страха взаимного уничтожения.

Оба эти принципа старой системы безопасности свидетельствуют о том, что в ее основе лежала физическая, или материальная компонента человеческого существования.

Столкновение мощных совокупных и примерно равновеликих сил, которые (гипотетически) в тяжелой борьбе должны одолеть друг друга. На основе этого принципа и строилась мировая политика в XX веке, готовились и проходили две мировые войны.

В современных условиях принципы старой системы миропорядка (или старой парадигмы безопасности) начинают заметно деформироваться и разрушаться.

Во-первых, деформируется принцип паритета. Террористическая акция 11 сентября 2001 г., масштабы которой не нужно преувеличивать, но и очень опасно уменьшать, показала, что вместо «вероятного противника», силу и направления ударов которого можно заранее определить, а значит, и создать систему обороны, появляется «неизвестный и невидимый противник», который неизвестно откуда и с какими силами и средствами может напасть. Иными словами, появляются силы без явно выраженных физических признаков, с латентным военно-техническим потенциалом.

Во-вторых, деформируется принцип взаимоустрашения. Наряду с камикадзе-одиночками появляются камикадзе-организации, формируются достаточно мощные силы, которые могут сосредоточить в своих руках ресурсы, достаточные для того, чтобы создать реальную угрозу целым государствам и регионам. Но самое главное, что в силу религиозно-идеологической специфики мировоззрения этих сил ради достижения определенных целей им не страшно будет умереть, чтобы увлечь за собой ненавистные им народы и страны.

В-третьих, в качестве доминирующей в системе безопасности становится информационная компонента, при помощи которой «неизвестный и невидимый противник» может оказать разрушительное воздействие не только через физическую, материальную среду, но и (и даже – главным образом) через духовно-идеологическую подоснову общества.

В последние годы в мире достаточно быстрыми темпами идет осознание реальности угроз национальной безопасности, которые исходят от современных информационных систем. Всемирная Федерация ученых на своей 25 сессии в августе 2000 г. на первое место в списке угроз человечеству в XXI веке поставило угрозу информационной безопасности. Причем речь идет об информационной безопасности не в узком смысле (безопасность сетей), а в широком смысле этого понятия – безопасность общества и человека от использования этих сетей.

Особую опасность для мира представляет то, что информационные системы широко могут быть использованы как средство террористической деятельности, во-первых, для воздействия на технические и тактические возможности противника, а во-вторых, для воздействия на духовно-идеологическую среду противной стороны. Речь идет о террористической деятельности тех «неизвестных и невидимых сил», которым «не страшно умереть».

Реальность информационных угроз определяется также и тем, что в отличие, например, от систем вооружений информационные системы, которые имеют глобальный характер и которые допускают очень большие возможности для анонимного доступа, могут выйти из-под контроля специальных государственных и общественных институтов.

Таким образом, выделенные выше современные реалии взаимоотношений различных военно-политических и идеологических сил на мировой арене заставляют говорить о формировании в силу объективных обстоятельств новой парадигмы мирового порядка (международной и национальной безопасности) вместо парадигмы, на основе которой строились международные взаимоотношения на протяжении последних десятилетий.

В этом новом миропорядке военно-экономическая мощь того или иного «центра силы» уже не может рассматриваться как безусловное основание стабильности, поскольку материальные и духовно-идеологические средства давления и разрушения рассредоточиваются сейчас по самым разным субъектам международной политики. Причем очень серьезно нужно думать о том, что среди этих субъектов велика доля сил, «которым не страшно умереть».

Гегемонистская доктрина США не случайно начала реализовываться в Афганистане и в Ираке. Именно по этому южному поясу (Афганистан – Северный Кавказ – Иран – Ирак – Сирия – Палестина) проходит линия геополитического разлома современной мировой цивилизации.

В своих нашумевших в середине 90-х гг. XX в. геополитических прогнозах американский ученый С. Хантингтон видит именно на этой линии будущие (отчасти уже и нынешние) столкновения Севера и Юга, христианского Запада и исламского Востока. С. Хантингтон, правда, считал этот прогноз долгосрочным (если не апокалиптическим) сценарием мирового развития. Нам же представляется, что эти столкновения являются катастрофическими явлениями переходного времени. Переходного от одного миропорядка к другому, который будет представлять собой систему многих относительно равновеликих полюсов, равновесие которого будет обеспечиваться сложным комплексом физических, информационных и духовно-идеологических компонентов.

Думается, что приведенные выше констатации и выводы о новых реалиях мировой политики имеют прямое отношение к формированию внешнеполитической стратегии России, которая в настоящее время остается державой, занимающей ключевое положение в международной системе геополитических и экономических взаимосвязей и которая с необходимостью реагирует на более или менее серьезные изменения мирового порядка.

Важнейшим направлением современной внешнеполитической стратегии России должна стать выработка адекватных моделей взаимодействия с соседними странами. Особенно актуальна сегодня такая модель для Каспийского региона, в котором проходит линия взаимодействия совокупных субъектов современной мировой политики как геополитического (регионально-географического) уровня – Европа-Азия, «Север-Юг», так и конфессионально-социокультурного уровня – православие (христианство)–мусульманство.

Именно в этом регионе наиболее масштабно и деструктивно могут проявить себя новые реалии и новые угрозы международной и национальной безопасности, о которых шла речь выше. В силу этих обстоятельств Каспийский регион должен стать важнейшим объектом как для теории, так и для практической политики.

¹ Так, например, интернетовская поисковая система RAMBLER по термину «новый мировой порядок» находит 28053 сайтов и 284373 документов (апрель 2003 г.).

ИНТЕГРАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА *

**В.И. Коваленко
(Москва, Россия)**

Разработка оснований и принципов, связанных с вызреванием в России общенациональной идеи (или общенациональной системы ценностей) осуществляется сегодня в достаточно сложной атмосфере. Трудности в ее осознании связаны, прежде всего, с масштабностью самих перемен в стране, отличающихся к тому же высокой степенью драматизма и даже духовного излома. В стране лишь складывается новая

* Статья подготовлена в рамках научной программы «Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России».